

Людмила Петрушевская

09-15.04.04

Вышла книга Людмилы Петрушевской об участии современной интеллигенции. Ему суждено стать
ГЛАВНЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ СОБЫТИЕМ ГОДА

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

Трудно предсказывать, особенно будущее, но кажется, что новое сочинение Людмилы Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей», которое выходит в издательстве «Эксмо», вполне может стать главным литературным событием года. Можно гарантировать одну или две престижные премии.

Из названия видно, что одним из источников является знаменитый рассказ Борхеса «Сад расходящихся тропок». Главная его идея была связана с описанием вымышленного романа, в котором сюжет основан на «развилках во времени», а герой, оказываясь перед несколькими возможностями, выбирает все разом. «Тем самым он творит различные будущие времена, которые, в свою очередь, множатся и ветвятся» (Борхес). Подобную изысканную сюжетную структуру с «размножающимся» героем, пробуящим разные возможности существования, и попыткась реализовать Петрушевская.

Фабула романа отдает компьютерной игрой (оправданно тем, что главный герой создал игру под названием «В садах других возможностей»), и это роднит сочинение Петрушевской с большим числом современных российских опусов, написанных в подражание Пересу-Реверте. Но если приключенческая молодежь идет действительно от игры или ребуса, и игрой и ребусом смысл их произведений исчерпывается, то Петрушевская идет «от жизни», а игра для нее — только материал, с помощью которого она изображает ситуацию гибели культуры, науки, интеллигенции под напором того, что обобщенно можно назвать криминалом.

В романе предложено несколько глобальных метафор, за которыми стоит узнаваемая реальность, в которой криминально все: государственная политика, давно трансформировавшаяся в уголовщину, экономика, колеблющаяся между кражей у государства и разбоем самого государства, телефильмы, на 90 процентов посвященные убийствам, «убойным отделам» и «бригадам». Убийства, теракты, взрывы, катастрофы, гибель сотен людей образуют единый ряд событий, иступленно рекламируемых СМИ, тот фон, на котором «события» собственно культурные (от экспедиции в тундру для изучения культуры вымирающего народа до выхода научной публикации или художественного произведения) уже «не звучат», просто незаметны в силу своей «ничтожности». Ценность имеет только то, что непосредственно относится к сфере криминального. Далекие от

Возможно, новый роман принесет Людмиле Петрушевской и новые премии

РОМАН

Закуска для людоедов

нее культурные события, сложная умственная деятельность перестают существовать, они незначимы, а ценится то, что тематически близко к криминальному мейнстриму. Лягушка видит только движущиеся предметы; человек замечает только то, что тесно связано с криминалом (политика, экономика, происшествия, детективы).

По большому счету метафорический роман Петрушевской и посвящен тому, что мышление среднего че-

«худлита» перестало входить в число занятий (в чем теперь не стыдно признаться), — дело в массовой дебилизации сверху донизу вследствие «информационного погружения» в криминальный мир. Об этом и написан, в конечном счете, роман Петрушевской.

Именно отсюда, с одной стороны, деградация литературы в целом, которая происходит в последние годы (отсюда успех таких «романистов», как Донцова, Устинова или Ю. Латынина), а

стоятельствах был взят в заложники один из двух членов экспедиции, Кухарев, и Номер Один выпрашивает у директора деньги (пять тонн баксов) на выкуп и возможность снова слетать в эту тундру, чтобы Кухарева выкупить.

Экзотическая «научность» опускается жаргоном директора. Возникает парадоксальный симбиоз этнологического языка и блатной феи: в духе нового времени директором НИИ оказывается бандюган Панька, яр-

но он не умирает, потому что в начале 3-й главы его душа переселяется в тело вора Валерки, которого и нанял бандюган-директор для кражи денег. Изображена практически полная «социальная матрица». К этому набору добавлен еще и метемпсихоз, которым занимается Никулай-уол.

«Сдвиги» и сюжетные навороты, с одной стороны, — потачка современным криминализованным вкусам, поскольку читатель без этого не реагирует на роман, как лягушка, которая не видит неподвижных предметов; с другой — условие для языковых экспериментов. Ибо подлинная стихия Петрушевской, как и прежде, — устная речь в различных ее вариантах. Социальные контрасты изображены в виде столкновения и взаимодействия языков. Мат и блатной жаргон переходят в языковую магию, которая находится уже на грани полной нечленораздельности и молчания-одичания. То есть именно через гибель языка, материализованную в романе, описана гибель культуры. Дать в рецензии скатую модель этих языковых метаморфоз невозможно — это и есть та Литература, которая не «сокращается» в формулу и не позволяет быть «переписанной» или проиллюстрированной несколькими фразами. Гибель языка изображена непосредственно, менее интересно изображение постепенной языковой метаморфозы, последовавшей за тем, как душа интеллигента

(Номера Один) переселилась в тело вора Валерки. Через определенное время это мерзкое тело начинает доминировать, подчиняя себе переселившуюся в него чужую интеллигентскую психику. Возникает синтез двух сознаний, а затем и подавление интеллигентского воровским.

За игрой, отсылающей к фабуле «Доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Л. Стивенсона, нельзя не увидеть не только виртуозного языкового эксперимента, но и глобальной метафоры: судьба интеллигенции в современной реальности заключена в ее подчинении тому «социальному телу», в котором она оказалась. «Тело» же это — смесь криминала и вульгарности всех видов. Главный герой, помещенный в тело вора Валерки, и вести себя начинает как бандит. В результате же выясняется, что в ипостаси интеллигента главный герой абсолютно беспомощен, он заведомо жертва. И наоборот, в теле вора Валерки Номер Один оказывается всемогущим в нашем мире, ему легко и удобно мстить, что он и делает руками бандитов из ВПК, замочив наглого директора Паньку. Выводы предельно просты: наш современный мир — это мир бандитов. А ТОТАЛЬНАЯ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ДЕЛАЕТ СУЩЕСТВОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НЕВОЗМОЖНЫМ В ПРИНЦИПЕ. Мысль, впервые выраженную В.Маганиным в «Андеграунде» (1998), Петрушевская «ороманила» вновь, но только ярче. За шесть лет ситуация только усугубилась.

Сам Номер Один добывает факты для доказательства своей глобальной социологической концепции: в современной России сталинский феодализм трансформируется в рабовладельческое государство, уже кое-где переходящее в первобытный строй. Все сюжетные коллизии, замешанные Петрушевской из арсенала масскульта и местами выглядящие почти пародийно, работают на одно — на аналогию между энтти, спокойно принимающих свою смерть, понимающих, что они неизбежно должны пойти на корм людоедам, и интеллигенцией. Кого-то же должны есть голодные бандюганы, кто-то же должен выступить в роли покорных энтти...

Пьесы Петрушевской 70-х годов были посвящены интеллигенции в последнем поколении, и с этой точки зрения роман означает ответственность. Однако же в период застоя думалось скорее о вырождении, нежели о том пассивном действии, которое можно обозначить глаголом «быть съеденным». Последнее — следствие уже новой социальной ситуации, тема «другой Петрушевской».

В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ СТАЛИНСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ ТРАНСФОРМИРУЕТСЯ В РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО, уже кое-где переходящее в первобытный строй

ловека уродливо деформировалось. Мозг — уже не орган мышления, а орган выживания, как клыки или когти. Резко вырос порог чувствительности, настолько резко, что если нет убийства (пусть не сотни человек — хотя бы одного, но желанно в изощренной форме), нет кражи «в особо крупных», нет мафии или шайки бандитов, нет борьбы за деньги, то это уже «несобытие» (в оруэлловском смысле). Без этого «набора» средний человек просто не реагирует. Дело уже не в дефиците культуры и начитанности, не в том, что чтение

с другой стороны, довольно ироничная игра с криминальными сюжетными линиями, которые насыщают роман Петрушевской. Его завязка — диалог (написанный в фирменном для Петрушевской «магнитофонном стиле») между Номером Один и директором некоего этнографического НИИ. Номер Один дает прослушать директору запись пения Никулая-уола, относящегося к событию (в оруэлловском смысле). Никулай — что-то вроде местного колдуна. Запись сделана в экспедиции, в тундре. Оказывается, что при весьма загадочных об-

щий представитель современного мышления. На «культуру» он не реагирует, откликаясь только на такие возбудители, как «деньги» или «убийство». Панька предлагает Номеру Один заработать на новую поездку и выкуп Кухарева, а чтобы это сделать — отвезти в город Н. двадцать тысяч долларов. Номер Один соглашается, и с этого места стартует детективный сюжет. Потому что Панька, тесно связанный с оргпреступностью, организует похищение этих денег. У Номера Один их крадут, он начинает погоню за ворами, в ходе погони его убивают,

МН

106